

Народное творчество (Фольклор)

# Песни славянских народов



Народное творчество (Фольклор)

**Песни славянских народов**

«Public Domain»

## **Народное творчество (Фольклор)**

Песни славянских народов / Народное творчество (Фольклор) —  
«Public Domain»,

«Где ты, где ты, моя доля? Где ты, долюшка моя? Исходил бы,  
расспросил бы Все сторонки, все края!...»

## Содержание

Откуда едешь?	5
Во поле снежок	6
Доля	7
Явор	8
Беда	9
Песня	10
Повей ветер	12
Сама хожу по камушкам	13
Нет милого	14
Проклятие	15
Был у матери сын сокол	16
Вдова	17
Царь Стефан празднует день своего святого	18
Построение Скадра	20
Банович Страхиња	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Николай Васильевич Берг

## Песни славянских народов

### Откуда едешь?

– «Ты откуда?» – «Я с Дунаю!»  
– «А что слышал про Михайлу?»  
– «Я не слышал – сам я видел:  
Шли поляки, шли казаки  
На три страны, на четыре,  
А татары поле крыли...  
В том полку, в полку казацком,  
Ехал воз, покрыт китайкой,  
Да заслугою казацкой –  
Воз, китайкою покрытый;  
В том возу казак убитый;  
Он изрублен был, иссечен,  
В лютом бое изувечен;  
А во след за тем за возом  
Шол, головушку понунив,  
Разудалый вонь козацний;  
Вел коня холоп наёмный,  
Нес в руке он востру пику,  
А в другой кривую саблю –  
С сабли кровь текла, бежала...  
Мать Михайлу провожала...  
Он не больно был изрублен:  
Головушка на три части,  
Бело тело на четыре.  
Ах, на что мне, мати, слёзы!  
Ты сломи-ка три берёзы,  
А четвертую осину,  
Да построй хоромы сыну,  
Без дверей построй, без окон,  
Чтоб улечься только мог он!»

## Во поле снежок

Во чистом поле  
Порошит снежок –  
Так убит лежит  
Молодой казак,  
Призакрыл травой  
Очи ясные.  
В головах его  
Ворон каркает,  
А в ногах его  
Плачет верный вонь:  
«Отпусти меня,  
Аль награду дай!»

– «Изорви ты, конь,  
Повод толковый,  
И беги – лети  
В поле чистое!  
По лугам травы  
Выешь две косьбы!  
Выпей воду, копь,  
Ты из двух озер!  
Ты скачи оттоль  
Ко дворам моим,  
Ты ударь ногой  
Во тесов забор;  
Выйдет матушка,  
Станет спрашивать:  
«Ой, ты конь лихой,  
«Господин где твой?  
«Аль в бою сложил  
«Буйну голову?  
«Али в поле ты  
«Обронил его?»  
Ты умей на то  
Ей ответ держать:  
Нет, не вороги  
Извели его,  
И не я его  
Обронил-убил,  
А нашол себе  
Пан паняночку:  
Во чистом поле  
Взял земляночку.»

## Доля

Где ты, где ты, моя доля?  
Где ты, долюшка моя?  
Исходил бы, расспросил бы  
Все сторонки, все края!

Аль ты в поле, при долине,  
Диким розаном цветешь?  
Аль кукушкою кукуешь?  
Аль соловушком поешь?

Али в море, меж купцами,  
Ты считаешь барыши?  
Аль в хоромах, где воркуешь  
Подле девицы-души?

Али в небе ты гуляешь  
По летучим облавам,  
И расчесываешь кудри  
Красну солнцу и звездам?

Где ты, где ты, моя доля,  
Доля, долюшка моя?  
Что никак не допытаюсь,  
Не докликнусь я тебя!

## Явор

Никнет явор над водою,  
В воду опустился;  
Удалой козак слезами  
Горькими облился.

Явор, явор, ты не падай,  
Не ломись, не гнися!  
Молодой козак, уда́лый,  
Сердцем не крушися!

Рад бы явор – не ломился:  
Речка корни моет;  
Рад бы, рад козак – не плакал,  
Да сердечко ноет.

Он в Московщину поехал,  
Загремел подковой:  
Вброн конь, арчак дубовый,  
Поводок шелко́вый.

Он в Московщину поехал,  
Видно там и сгинул,  
Дорогую ли Украину  
На веки покинул.

Приказал – и опустили  
Чорный гроб в могилу;  
Приказал – и посадили  
В головах калину.

«Пусть клюют калину пташки  
Над моей могилой;  
Пусть поют мне и щебечут  
Об Украине милой!»



## Беда

Я пойду, пойду, из хутора пойду:  
Не покину-ли я в хуторе беду?

Оглянулась я дорогой, а беда  
Горемыку догоняет по следам.

«Что, беда, ты увязалась так за мной?»  
– «Я венчалась, бесталанная, с тобой!»

«Что, беда, ты уцепилась так за мной?»  
– «Я родилась, бесталанная, с тобой!»

## Песня

Милый шел горой высокой,  
Милая долиной;  
Он зацвел румяной розой,  
А она калиной.

Ты на горке, на пригорке,  
А я под горою,  
День и ночь с моей тоскою  
Слёзы лью рекою.

Кабы жить тебе со мною,  
Жили б мы с тобою,  
Жили б, жили б, мое сердце,  
Как рыба с водою!

Что рыбак закинул уду,  
Рыбу-рыбку ловит,  
А милая-то по милом  
Белы руки ломит.

Что рыбак закинул уду,  
Рыбу-рыбку удит:  
Долго, долго ли по милом  
Тосковать мне будет?

Что рыбак над быстрой речкой  
Ласточкою вьётся,  
А милая-то по милом  
Горлицею бьётся.

Иль засыался ты пылью,  
Мятелицей-вьюгой,  
Что не хочешь повидаться  
Со своей подругой?

Что мятелица мне, вьюга,  
Буря-непогода:  
Ведь любили ж мы друг друга  
Целые два года!

Да враги мои злодеи  
Все про все узнали,  
Все про все они узнали,  
В люди рассказали.

Будь здорова, черноброва,  
И прощай на веки!  
Не теките, не бегите  
Слёз горячих реки!

## Пове́й ве́тер

Ветер, ветер, ты пове́й  
Из Укра́ины из мое́й!  
Из Укра́ины на Литву  
Я дру́жку покло́н пошлю́,  
Я покло́н пошлю́, скажу́  
Что́ но́ нем я́ здесь ту́жу,  
Что́ мне́ тяжко́ без не́го,  
Без ми́лѡва́ моего́!  
Кабы́ было́ у ме́ня  
Два́ мо́гучия́ крыла́,  
Полете́ла б я́ к не́му,  
К ми́лу-дру́гу мое́му.  
Да́ на что́ мне́ улетать  
Ясна́ со́кола́ искать,  
Ко́ли са́м он при́летит  
И ме́ня развесе́лит.  
Та́к ле́ти же, со́кол мой!  
Жду́ я, жду́ те́бя с то́ской;  
Выхо́жу я на́ крыльцо́,  
Умы́ваючи́ ли́цо;  
Бело́ личи́ко умою́,  
По́цалую́ся с то́бою.

## Сама хожу по камушкам

Я хожу сама по камушкам,  
А коня вожу по травушке.  
По дороге скачет чижи́чек.  
– «Гой ты, чи́жик-воробе́юшка!  
Ты скажи-ка мне всю правдушку:  
У кого, скажи, есть волюшка,  
И кому́ запрет на волюшку?»  
– «Красным девкам своя волюшка:  
Сарафан взяла да вынула,  
На себя платок наинула,  
Убрались и в хоровод пошла,  
В хоровод пошла, дружка нашла.»  
– «Гой ты, чи́жик-воробе́юшка,  
У кого еще есть волюшка,  
И кому́ запрет на волюшку?»  
– «Добрым парням своя волюшка:  
Взял в охапку шапку бархатну,  
Синь кафтан надел, пошел-запел.  
Пошел-запел, везде поспел.»  
– «Гой ты, чи́жик-воробе́юшка,  
У кого, скажи, есть волюшка,  
И кому́ запрет на волюшку?»  
– «Положат запрет на волюшку  
Молодой ли что молодушке:  
На печи у ней ворчун ворчит,  
А в печи у ней горшок бурчит,  
Под палатами дитя кричит,  
У порога порося пищит;  
Говорит горшок: отставь меня!  
Порося визжит: напой меня!  
А дитя кричит: качай меня!  
А ворчун ворчит: цалуй меня!»

## Нет милого

Пшеничку я сжала, домой прибежала,  
Домой прибежала, дружка не сыскала.  
Где мой милый делся, где запропастился?  
Волки ли заели? в речке ль утонул?  
Кабы волки съели – дубровы б шумели;  
Кабы утонул – Дунай бы разлился;  
Кабы у шинкарки – гремели бы чарки;  
Кабы на базаре – скрипки бы играли.

## Проклятие

Жена мужа снаряжала,  
Снаряжая проклинала:  
«Чтоб те ехать, не доехать!  
Чтобы вонь твой спотыкнулся  
И горою обернулся,  
Что горою ли крутою,  
Шапка – рощею густою,  
Синь кафтанчик – полем чистым,  
А сам – явором ветвистым!»  
Как она пшеницу жала,  
Черна туча набежала.  
Стала милая под явор:  
«Явор, явор ты широкой,  
Ты прикрой детей-сироток!»  
– «Ах, не явор я, не явор:  
Я отец тем деткам малым...  
Аль не помнишь, что сказала,  
Как меня ты снаряжала,  
Снаряжая проклинала!»

## Был у матери сын сокол

Сокола сына мать возростила,  
Только взростила, в полк отпустила;  
Три его, три провожали сестрицы:  
Старшая брату коня оседлала,  
Средняя стремя ему придержала,  
Младшая повод ему подавала;  
Мать же у сына только спросила:  
«Скоро ли, сын мой, домой ты вернешься?»  
– «Скоро я буду, скоро приеду:  
Павины перья в речке потонут,  
Мельничный жорнов всплывет над водою  
Вот уж и перья в воде потонули,  
Вот уж и жорнов всплыл над водою:  
Жорнов всплывает, сын не бывает,  
Перышко тонет, мать его стонет;  
На гору вышла, полки повстречала,  
Видит – ведут и коня воронова.  
Стала расспрашивать старших по войску:  
«Ах, не видали ль вы сокола-сына?»  
– «Это не твой ли ясный был сокол,  
Ясный был сокол, взвился высоко,  
Восемь побил он полков басурманских,  
Восемь побил и пошел на девятый,  
Тут ему ворог головушку срезал.  
Слуги в могилу его провожали,  
Возы скрипели, коники ржали;  
Жалко кукушка над ним куковала,  
Долго дружина по нем тосковала.»



## Вдова

Как в дворе у пана строили светлицу,  
Гнали на работу горькую вдовицу.  
Ой, всего неделю мужа схоронила,  
А через неделю дитяtko родила;  
Нéдали с родов ей опочить нимало:  
Через три дни камни тяжкие таскала;  
Держит, плача, сына рученькой одною,  
Каменьщикам камни подает другою:  
«Стройте, городите белую светлицу,  
Только пожалейте горькую вдовицу,  
Вы светлицу стройте, сирую не троньте!»  
Плачет, а утeхи все-то нет сердечку...  
Видит под горою, видит быстру речку,  
Подбежала к речке, опустила сына:  
«Плавай ты по речке, дитяtko-дитина!  
Не видал ты батьку, не увидишь матку:  
Батьку рано скрыла черная могила,  
А родная в речке сына утопила!  
Жил бы ты на свете, был бы хлопец бравой,  
А теперь по речке день и ночь ты плавай  
Перед панским домом, под его стенами,  
Плакай, обливайся горькими слезами!»

## Царь Стефан празднует день своего святого

Царь Стефан великий праздник славит,  
Празднует Архангела Стефана  
И гостей на праздник созывает,  
Созывает триста иереев  
И двенадцать владык великих  
И четыре старых проигумна;  
рассадил их по местам, как надо,  
рассадил колено за коленом,  
Сам пошел, гостям вино подносит,  
Всякому по чину и по роду,  
Как царю по правде подобает.  
Но беседа говорит Стефану:  
«Царь ты наш и солнце наше красно,  
Нам глядеть зазорно и обидно,  
Что ты служишь и вино подносишь;  
Сад ты с нами лучше за трапезу,  
А вино пускай слуга подносит!»  
Царь Стефан на речь их соблазнился,  
Сел с гостями рядом за трапезу,  
В честь святого не наполнив чаши  
И о Боге духом не смиряся;  
Дать слугам, чтобы с вином ходили,  
Чествуя угодника святого,  
Самого ж себя не мог принудить  
Послужить слугою час единый.  
Как стоял Стефан перед гостями,  
За плечом его стоял Архангел,  
Крыльями его приосеняя;  
А как сел Стефан с гостями рядом,  
Прогневился на него Архангел,  
По лицу крылом его ударил  
И с трапезы царской удалился.  
Не видал никто между гостями,  
Как стоял Архангел за Стефаном,  
Увидал один маститый старец,  
Увидал и горько он заплакал.  
Как заметил то прислужник царский,  
Подошел и тихо старцу молвил:  
«Что, старик, на празднике ты плачешь?  
Иль тебя не вдоволь угощали?  
Мало ел ты, или пил сегодня?  
Иль боишься, что тебя обидят,  
Милостию царскою обделят?»  
Говорит ему маститый старец:  
«Бог с тобою, царский ты прислужник,

Я не мало ел и пил сегодня,  
Не боюсь я, что меня обидят,  
Милостию царскою обделят,  
Но виденье чудное, я видел:  
Как стоял Стефан перед гостями,  
За плечом его стоял Архангел,  
Крыльями его приосеняя;  
А как сел Стефан с гостями рядом,  
Прогневился на него Архангел,  
По лицу крылом его ударил  
И с трапезы царской удалился.»  
рассказал про то царю прислужник;  
Царь поспешно встал из-за трапезы,  
А за ним и триста иереев  
И двенадцать владык великих  
И четыре старых проигумна:  
Взяли книги, начали молиться,  
Бдение великое творили,  
Целых три дни и три тёмных ночи,  
Господу Всевышнему моляся  
И Его угоднику святому –  
И даря помиловал угодник,  
Отпуская грех ему великий,  
Что с гостями сел он за трапезу,  
В честь святого не наполнив чаши,  
И о Боге духом не смиряся.

## Построение Скадра

Трое братьев городили город –  
Марлявчевичи звались братья:  
Вукашин король был первый стройщик,  
А другой Углеша воевода,  
Третий строил Марлявчевич Гойко –  
Город Скадар на реке Бояне.  
Ровно три года городят город,  
Ровно три года, рабочих триста,  
Но не могут и основу вывести,  
А куда уж весь поставить город.  
Что работники построят за день,  
То повалит злая вила за ночь.  
Как четвертое настало лето,  
Слышат – вила кличет из Шанины:  
«Вукашин, не мучься ты задаром,  
Не губи добра ты понапрасну:  
Не видать тебе и основанья,  
А куда уж весь поставить город,  
Коли сходных не найдешь двух прозвищ,  
Сестру с братом, Стою и Стояна,  
И под башню их ты не заложишь,  
А заложишь – будет основанье  
И построишь Скадар на Бояне!»  
Как те речи Вукашин услышал,  
Подзывает слугу Десимира:  
«Десимир, мое милое чадо!  
Был доныне ты моим слугою,  
Будь отныне моим сыном милым!  
Запрягай ты коней в колесницу,  
Шесть кулей бери добра с собою,  
Поезжай по белому ты свету,  
Двух ищи ты одинаких прозвищ,  
Сестру с братом, Стою и Стояна,  
Добывай за деньги, или силой,  
И вези их в Скадар на Бояну:  
Мы заложим их под башню в камень  
Так поставим граду основанье  
И построим Скадар на Бояне.»  
Как услышал Десимир те речи,  
Снарядил коней и колесницу,  
Шесть кулей добра с собой насыпал  
И поехал он по белу свету;  
Ездит, ищет одинаких прозвищ,  
Ездит, ищет Стою и Стояна.  
Уж три года Деспмир проездил,

Не нашол он одинаких прозвищ,  
Не нашол он Стою и Стояна,  
И назад приехал к Вукашину,  
Отдает коней и колесницу,  
И кули, как были, вынимает:  
«Вот тебе кони и колесница,  
Вот и все добро твое, богатство!  
Не нашол я одинаких прозвищ,  
Не нашол я Стою и Стояна!»  
Как услышал Вукашин те речи,  
Призывает зодчего он Рада,  
Зодчий кличет всех людей рабочих,  
Стали строить Скадар на Бояне,  
Зодчий строит, злая вила валит,  
Не дает и основанья вывести,  
А не только весь построить город,  
И опять с горы заголосила:  
«Эй, король, не мучься ты задаром,  
Не губи добра ты понапрасну!  
Коль не можешь и основу вывести,  
Так куда ж тебе построить город!  
Но послушай моего совету:  
Вас три брата на реке Бояне,  
И у всякого по верной любе,  
Чья придет сюда поутру прежде  
И рабочим принесет обедать,  
Заложите вы тоё под камень:  
Основанье граду будет крепко,  
Ты построишь Скадар на Бояне.»  
Как услышал Вукашин те речи,  
Призывает он родимых братьев,  
Говорит им: «братья дорогие,  
Вон с горы что говорит мне вила:  
Вишь добро мы понапрасну губим,  
Ни за что нам с вилою не сладить,  
Не возводит вывести и основы,  
А куда уж весь ностронть город!  
Да сказала, что вот нас три брата  
И у всякого по верной любе:  
Чья придет поутру на Бонну  
И рабочим принесет обедать,  
Заложить тоё велит под башню:  
Так поставим граду основанье  
И построим Скадар на Бонне.  
Только, братья, заклинаю Богом,  
Чтоб ни чья про то не знала люба;  
Ни оставим это им на счастье:  
Чья пойдет, за и пойдет с обедом!»  
И друг дружке братья клятву дали,

Что ни кто своей не скажет любе.  
Так застала их пора ночная,  
Ко дворам они вернулись белым  
И за ужин сели за господский,  
А лотом пошли в опочивальни.  
Но великое свершилось чудо:  
Вукашин не удержался первый,  
рассказал он все подруге-любe:  
Ты послушай, любa дорогая,  
Не ходи ты завтра на Бояну  
И рабочим не носи обедать,  
А не то себя, душа, погубишь:  
Завладут тебя под башню в камень!»  
И Углеша клятвы не исполнил,  
рассказал и он подруге-любe:  
«Ты послушай, любa дорогая,  
Не ходи ты завтра на Бояну  
И рабочим не носи обедать,  
А не то себя, душа, погубишь:  
Закладут тебя под башню в камень!»  
Лишь один не посрамился Гойко,  
Не сказал своей ни слова любе.  
Как назавтра утро засияло,  
Встали братья и пошли на стройку.  
Час обеда настает рабочим,  
А черёд за любой Вукашнна.  
Вот идет она к своей невестке,  
К молодой Углешиной хозяйке,  
Говорит: «невестка дорогая,  
Помоги, неможется мне нынче,  
Голову мне с ветру разломило:  
На, снеси обед рабочим людям!»  
Но Углешнна подруга молвит:  
Ах, невестка, радостью бы рада,  
Да рука сегодня заболела,  
Попроси уж ты сноху меньшую!»  
Та приходит к Гойкиной подруге,  
Говорит: «невестка дорогая,  
Помоги, неможется мне нынче,  
Голову от ветра разломило:  
На, снеси обед рабочим людям!»  
Люба Гойки ей на это молвит:  
«Матушка ты наша, королева,  
Отнесла бы я тебе с охотой,  
Да еще ребенка не купала  
И полотен не стирала белых!»  
Вукашиниха на это молвит:  
«Ты поди, невестка дорогая,  
Отнеси обед рабочим людям,

А ребенка я тебе помою  
И полотна выстираю белы.»  
Нечего, пошла подруга Гойки,  
Понесла обед рабочим людям;  
Как пришла она к реке Бояне,  
Увидал свою подругу Гойко,  
Стало Гойке раздосадно-горько,  
Стало жаль ему подруги верной,  
Стало жаль и малого ребенка,  
Что глядел на белый свет лишь месяц:  
Слёзы пролил Марлявчевич Гойко;  
Издали его узнала любя,  
Тихой поступью к нему подходит,  
Говорит ему такое слово:  
«Что с тобою, господин мой добрый,  
Что ты ронишь нынче горьки слёзы?»  
Отвечает Гойко Марлявчевич:  
«Ах, душа ты, верная подруга!  
Приключилось горькое мне горе:  
Яблоко пропало золотое,  
Укатилось в быструю Бояну:  
Вот и плачу, слёз не одолею!»  
Но не тужит Гойкина подруга,  
Говорит она, смеючись, мужу:  
«Лишь бы ты мне был здоров и весел,  
А про яблоко чего крушиться:  
Наживем мы яблоко и лучше!»  
Тут еще ему горчее стало;  
От своей он любви отвернулся  
И смотреть уж на нее не может.  
Подошли тогда родные братья,  
Деверья его подруги-любые,  
За белые ее схватили руки,  
Повели закладывать под башню,  
Призывают зодчего на стройку,  
Зодчий собрал всех людей рабочих,  
Но смеется Гойкина подруга,  
Думает, что с нею шутки шутят.  
Стали в город городить беднягу,  
Навалили триста те рабочих,  
Навалили дерева и камню,  
Что коню бы стало по колено;  
Люба Гойки все еще смеется,  
Думает, что с нею шутку шутят.  
Навалили триста те рабочих,  
Навалили дерева и камню,  
Что коню бы по пояс хватило;  
Как осело дерево и камень,  
Увидала Гойкина подруга,

Что беда у ней над головою,  
Взвизгнула змеёю медяницей,  
Деверьям своим взмолилась жалко:  
«Ради Бога, братья, не давайте  
Загубить мне молод век зелёный!»  
Так молила да не умолила:  
Ни один и поглядеть не хочет.  
Тут зазор и срам она забыла,  
Господину своему взмолилась:  
«Не давай ты, господин мой добрый,  
Городить меня под башню в город,  
Но поди ты к матушке родимой,  
У неё добра в дому найдется,  
Пусть раба или рабыню купит:  
Заложите их под башню в камень!»  
Так молила да не умолила –  
И когда увидела бедняга,  
Что мольба ей больше не поможет,  
Зодчему тогда она взмолилась:  
«Побратим ты, побратим мой зодчий,  
Проруби моим грудям окошко,  
Белые сосцы наружу выставь:  
Как придет сюда мой сокол Ваня,  
Пососёт он материнской груди!»  
Как сестру, ее послушал зодчий,  
Прорубил её грудям окошко  
И сосцы ей выставил наружу,  
Чтобы мог, придя, её Ванюша  
Покормиться материнской грудью.  
Снова зодчему она взмолилась:  
«Побратим ты, побратим мой зодчий!  
Проруби моим очам окошко,  
Чтоб глядеть мне на высокий терем,  
Коли Ваню понесут оттуда  
И назад с ним к терему вернуться.»  
И опять ее послушал зодчий:  
Прорубил её очам окошко,  
Чтоб глядеть на терем ей высокий,  
Как оттуда понесут к ней Ваню  
И назад с ним к терему вернуться.  
Так ее загородили в город;  
Всякий день носили к ней Ванюшу;  
Восемь дней она его кормила,  
На девятый потеряла голос,  
Но кормила Ваню и опосле:  
Целый год его туда носили.  
И поныне у людей в помине,  
Что бежит и будто тихо каплет  
Ради чуда молоко оттуда,



И приходят жоны молодые  
Грудью той лечить сосцы сухие.

## Банович Страхињя

Жил да был Страхињя Банович<sup>1</sup>,  
Был он баном маленького банства,  
Маленького банства край Косова.  
Не бывало сокола такого!  
Подымается он рано утром,  
Созывает слуг и домочадцев:  
«Верные вы слуги-домочадцы!  
Оседлайте мне коня лихого,  
Что ни лучшую достаньте сбрую  
И подпруги крепче подтяните:  
Я собираюсь, дети, в путь-дорогу,  
Не надолго покидаю банство,  
еду, дети, в город бел Крушевец,  
К дорогому тестю Юг-Богдану  
И к его Юговичам любезным:  
Хочется мне с ними повидаться!»  
Побежали слуги-домочадцы  
И коня для бана оседлали.  
Он выходит, надевает чоху<sup>2</sup>,  
Надевает чоху алой шерсти,  
Что светлее сёребра и злата,  
Что яснее месяца и солнца,  
Надевает диву и кадиву;  
Изукрасился наш ясный сокол,  
На коня садится на лихого –  
Как махнул и прилетел в Крушевец,  
Где недавно царство основалось.  
Юг-Богдан встречать его выходит,  
С девятью своими сыновьями,  
С девятью своими соколами,  
Обижают и целуют бана;  
Конюхи коня его примают;  
Сам идет он с Юг-Богданом в терем,  
В терему они за стол садятся  
И господские заводят речи.  
Прибежали слуги и служанки,  
Гостя подчуют, вино подносят;  
Господа уселись по порядку:  
Выше всех, в челе, на первом месте,  
Юг-Богдан, домовладыка старый,  
Страхињ-бан ему по праву руку,

---

<sup>1</sup> Один из паевых героев косовской битвы, происходившей на Косовом поле 15-го июня 1389 года, в Видов день, и решившей участь Сербского царства.

<sup>2</sup> Род плаща со шнурами

А потом Юговичи и гости;  
Кто моложе, подчивал старейших;  
Больше всех Юговичи служили,  
Друг за дружкой угощая батьку,  
Старого, седого Юг-Богдана  
И гостей хлеб-солью обносили,  
Особливо зятя Страхинь-бана;  
А слуга ходил с вином и водкой,  
Наливал он золотую чарку,  
В чарке было девять полных литров;  
А потом, брат, подали и сласти,  
Угощенья, сахарны варенья,  
Ну, как знаешь, на пирушке царской!  
Загостился бан у Юг-Богдана,  
Загостился там, запропастился,  
И не хочет уж оттуда ехать.  
Все, что с ним в Крушевце пировали,  
Надоели старому Богдану,  
Говоря и вечером и утром:  
«Государь наш, Юг-Богдан могучий!  
Шелкову тебе цалуем полу  
И твою десную белу руку –  
Окажи ты милость нам и ласку,  
Потрудися, приведи к нам зятя,  
Дорогого бана Страхинь-бана,  
Приведи его под наши кровли,  
Чтоб его почествовать нам пиром.»  
И Богдан водил к ним Страхинь-бана.  
Так живут они и поживают,  
И не малое проходит время;  
Страхинь-бан у Юга загостился;  
Но стряслась беда над головою:  
Раз поутру, только встало солнце,  
Шасть письмо к Страхиньичу из Банства,  
От его от матери любезной.  
Как раскрыл его и, на колено  
Положивши, про себя читает;  
Вот оно что бану говорило,  
Вот как мать кляла его, журила:  
«Где ты, сын мой, празднуешь, пируешь?  
На беду вино ты пьёшь в Крушевце,  
На беду у тестя загостился!  
Прочитай теперь – и все узнаешь:  
Из Едрена<sup>3</sup> царь пришол турецкий,  
Захватил он все Косово поле,  
Визирей навел и сераскиров,  
А они с собой проклятых беев,

---

<sup>3</sup> Едрев – Адрианополь, старая столица Турции.

Всю турецкую собрали силу,  
Все Косово поле обступили,  
Обхватили обе наши речки,  
Обхватили Лабу и Ситницу,  
Заперли кругом Косово поле.  
Говорят, рассказывают люди:  
Вишь от Мрамора до Явора-Сухого,  
А от Явора, сын, до Сазлии,  
От Сазлии на Мост на Железный  
А от Моста, сын, до Звечана,  
От Звечана, сын, до Чечана,  
От Чечана, до планин<sup>4</sup> высоких  
Разлеглося вражеское войско  
И невесть что окаянной силы.  
Говорят, у самого султана,  
Двести тысяч молодцов отборных,  
Что имеют за собой именья,  
Что на царском проживают коште  
И на царских кóнях разъезжают;  
Вишь, оружия не носят много,  
А всего на них вооруженья –  
Ятаган у пояса да сабля.  
У турецкого царя-султана  
Есть другое войско – янычары,  
Что содержат при султане стражу;  
Янычар тех также двести тысяч.  
Есть и третья сила у турчина,  
Третья сила – Тука и Манчука:  
В трубы трубит, колет всех и рубит.  
Всякия, сын, силы есть у турка;  
А еще, сын, у турчина сила:  
Самовольный турок Влах-Алия,  
Что не слушает царя-султана,  
А не только уж нашей и беев:  
С их войсками, с бóрзыми конями,  
Комары они ему да мухи.  
Вот какой, сын, этот Влах-Алия!  
Не хотел добром идти он прямо  
На Косово со своим султаном,  
А свернул дорóгою на лево,  
И ударил он на наше байство,  
Все пожог, расхитил и разграбил  
И на камне камня не оставил;  
Разогнал твоих он домочадцев,  
У меня ж переломил он ногу,  
На меня своим конем наехал;  
Взял в полон твою подругу-любю

---

<sup>4</sup> Плавина – большая гора.

И увел с собою на Косово:  
Под шатром ее теперь целует!  
Я одна тебе, мой сын, осталась,  
Горько плачу здесь на пепелище,  
Горько плачу здесь, а ты пируешь,  
Пьёшь вино в Крушевце с Юг-Богданом:  
Не в утеху бы тебе гулянье!»  
Взяло бана горе и досада,  
Как прочел, что мать ему писала;  
Стал лицом он пасмурен, невёсел,  
Чёрные усы свои повесил,  
Чёрные усы на грудь упали,  
Ясны оченьки его померкли,  
И горячие пробились слёзы.  
Юг-Богдан увидел Страхинь-бана  
И как жаркий, пламень загорелся –  
Говорит он зятю Страхи в-бану:  
«Что ты это пасмурен, печален?  
Бог с тобою, Страхинь-бан мой милый,  
На кого ты нынче рассердился?  
Не шурия ли что ли насмеялись,  
Прогневили в разговоре словом?  
Иль золовки мало угощали?  
Иль тебе чего тут не достало?»  
Вспыхнул бан и тестю отвечает:  
«Ну те к Богу, старый, не пугайся!  
Я в ладу с любезными шуриями,  
Не видал обид и от золовок,  
Хорошо поят меня и кормят,  
И всего мне вдоволь здесь и вдосталь,  
Но с того я горек и печален,  
Что пришли ко мне дурные вести  
От моей от матери из банства.»  
Тут про все Богдану он поведал,  
Как нагрянули к нему злодеи,  
Как дворы его опустошили,  
Как прогнали верных домочадцев,  
Как родную мать его зашибли,  
Как в полон его подругу взяли:  
«Вот она, моя подруга-люба!  
Вот она, где дочь твоя родная!  
Страмота и стыд для нас обоих!  
Но, послушай, тесть ты мой любезный:  
Как помру, ты верно пожалеешь,  
Пожалей же ты меня живого!  
Кланяюсь, молюсь тебе покорно,  
Белую твою цалую руку,  
Отпусти Юговичей со мною:  
Я поеду с ними на Косово,

Поищу там моего злодея,  
Царского ослушника лихого,  
Что меня так тяжко разобидел.  
Ради Бога, тесть мой, не пугайся,  
И за них ты ничего не бойся:  
Я у них переменю одёжу,  
Я одену их как турки ходят:  
На голову – белые кауки<sup>5</sup>,  
На плечи – зеленые долманы,  
На ноги – широкие чекчиры,  
За пояс – отточенную саблю;  
Да велю слугам, чтоб оседлали  
Борзих коней, как седлают турки:  
Чтоб подпруги крепче подтянули,  
А за место чапраков под седла  
Медведёй бы положили черных –  
Пусть уж будут точно янычары!  
А когда пойдут через Косово,  
Сквозь полки турецкого султана,  
Там ребята пусть меня боятся,  
Пятятся назад как от старшего.  
Я вперед поеду делибашем;  
Коли кто на встречу попадетсЯ,  
Вздумает поговорить со мною  
По-турецки, или по-мановски<sup>6</sup>,  
Я могу поговорить с турчином  
По-турецки или по-мановски;  
Вздумает со мной по-арнаутски,  
Я и сам ему по-арнаутски;  
Вздумает со мною по-арабски,  
Я и сам с турчином по-арабски.  
Так пройдем мы через все Косово,  
Так обманем всех людей турецких  
И отыщем моего злодея,  
Сильного турчина Влах-Алию,  
Что меня так тяжко разобидел.  
Мне шурия против него помогут,  
А один я там как-раз погибну,  
Одного меня как-раз поранят!»  
Как услышал Юг-Богдан те речи,  
Вспыхнул гневом, зятю отвечает:  
«Страхинь-бан мой дорогой и милый!  
Не проспался видно ты сегодня,  
Что детей моих с собою просишь,  
Чтоб вести их на Косово поле,

---

<sup>5</sup> Каук – шапка или колпак, который турка обвивает чалмою.

<sup>6</sup> Вероятно азиатско-турецкий или так называемые новский язык, был несомненный признак турка, и испытывали сербов и болгар, которые большею частью говорят по европейски-турецки как турки.

Чтобы их перекололи турки!  
Не хоти и поминать про это!  
Не иди им, Страхинь-бан, с тобою,  
Хоть бы дочь мне вовсе не увидеть!  
Что ты, бан, с чего так расходился?  
Знаешь ли ты, или ты не знаешь,  
Коли ночь она проночевала,  
Ночь одну проночевала с турком,  
Так тебе уж в любви не годится:  
Сак Господь убил ее и проклял!  
Брось ее, покинь на басурмана!  
Отыщу тебе невесту лучше,  
Пьян напьюся у тебя на свадьбе,  
Буду век приятелем и другом,  
Но детей не отпущу с тобою!»  
Закипел Страхинья, разгорелся,  
Закипел он с горя и досады,  
Но ни слова не сказал Богдану,  
Никого не позвал и не кликнул,  
Сак пошел и отворил конюшню,  
Своего коня оттуда вывел,  
Ух, как оседлал его Страхинья!  
Ух, как подтянул ему подиругу!  
Как взнуздал его стальной уздой!  
Тут на улицу коня он вывел,  
К каменному подошел приступку  
И махнул в седло единым махом.  
На Юговичей потом он глянул,  
А Юговичи в сырую землю;  
На Неманича потом он глянул,  
Что Страхинье свояком считался,  
И Неманич во сырую землю.  
А как пили с ним вино и водку,  
Все как путные они хвалились,  
Все хвалились и божились зятю:  
Перед Богом, бан ты наш Страхинья,  
Все возьми, и нас и нашу землю!  
А теперь, как со двора поехал,  
Нет ему товарища и друга,  
На Косовское идти с ним поле.  
Горькой бан один-одним остался,  
И один пускается в дорогу,  
едет прямо Крушевецким полем,  
И когда пол-поля переехал,  
На город еще он оглянулся:  
Что не едут ли шурия позади?  
Что не жалко ли его им стало?  
Но никто позадь его не ехал.  
Тут увидел бан, что ни откуда

Помощи в беде ему не будет,  
И взбрело Страхинычу на мысли,  
Что с собой в дорогу пса он не взял,  
Своего лихого Карамана,  
Пса, что был ему коня дороже.  
Крикнул он из белого из горла:  
Бараман его лежал в конюшне,  
Как слышал он господский голос,  
Выскочил и по полю понесся,  
И догнал он духом Страхины-бана,  
Вкруг него и бегаёт, и скачет,  
Брякает ошейником железным  
И в глаза заглядывает бану,  
Будто слово выговорить хочет.  
Отлегло на сердце у Страхины,  
Веселей Страхины стало ехать.  
Едет он чрез горы, через доли,  
Наконец доехал до Босова;  
Как взглянул да как увидел турок,  
Оборвалось сердце у Страхины,  
Но призвал он истинного Бога –  
И поехал смело через поле,  
Едет бан через Косово поле,  
На четыре стороны он едет,  
Ищет бан турчина Влах-Алию,  
Но нигде найти его не может.  
Бан спустился на реку Ситницу  
И увидел у реки у самой  
На песке стоит шатер зелёный,  
Широк раскинулся над полем;  
На шатре позолочённый яблук,  
Что сияет и горит как солнце;  
Пред шатром копье воткнуто в землю,  
Ворон конь к тому копыю привязан,  
У коня мешок с овсом под мордой,  
Конь стоит и в землю бьёт копытом.  
Как увидел Банович шатер тот,  
Он умом и разумом раскинул:  
Уж не это ли шатер Али?  
Подскакал, копьём в него ударил  
И откинул полу, чтобы глянуть,  
Что такое под шатром творится.  
Не было там сильного Али,  
А сидел какой-то пьяный дервиш,  
Борода седая по колени;  
Непотребствует проклятый дервиш  
И вина не в меру наливает –  
В чашу льёт он, а вино-то на пол.  
Ажно очи набежали кровью!



Как увидел дервиша Страхиныч,  
Проворчал ему селян турецкий;  
Пьяный дервиш глянул исподлобья:  
«А, здорово делибаш Страхиныя!»  
Стало бану горько и досадно,  
По-турецки дервишу он молвил:  
«Брешишь, дервиш, с пьяну обознался,  
С пьяну лаешь глупые ты речи,  
И гяуром турка называешь!  
Про какого говоришь там бана?  
Я не бан, а конюх я султанский;  
Я пришел с султанскими конями,  
Да беда мне: кони разбежались  
По несметной по турецкой рати;  
Мы теперь гоняемся за ними,  
Чтоб они совсем не распропали.  
А уж ты старик молчал бы лучше,  
расскажу не-то царю-султану,  
Так уж тебе за это будет!»  
Засмеялся громко старый дервиш:  
«Делибаш ты, делибаш Страхиныя!  
Знаешь ли, Страхиныя, Бог с тобою,  
Я стоял на Гблече-планине  
И узнал тебя, когда ты ехал  
Сквозь полки несметные султана,  
И коня я распознал далёко,  
Да и иса я твоего приметил,  
Верного, лихого Карамана.  
Эх; Страхиныч, знаешь ли, Страхиныч,  
Я узнал тебя, Страхиныч, сразу  
По лицу и по глазам сердитым;  
Да и ус, как погляжу, такой-же!  
Помнишь ли ты, Бог с тобой, Страхиныч,  
Как попался я к твоим пандурам,  
На горе высокой на Сухаре:  
Ты велел меня в темницу бросить;  
Девять лет я пролежал в темнице  
И десятое уж лето наступало –  
Сжалился ты что-ли надо мною,  
Своего темничника ты кликнул  
И на свет велел меня ты вывести.  
Как темничник, сторож твой темничный,  
Да привел меня в тебе пред очи –  
Знаешь ли ты, помнишь ли, Страхиныч,  
Как меня спрашивать ты начал?  
Лютый змей, поганный аспид турка!  
Околеешь ты в моей темнице!  
Хочешь ли ты, турка, откупиться?  
Ты спросил и я тебе ответил:

Откуплюсь, коли на волю пустишь,  
Если дашь мне отчину увидеть;  
У меня в дому добра найдется:  
Есть и земли, есть тебе и левы,  
Заплачу, лишь отпусти на волю!  
А не веришь – Бог тебе порука,  
Божья вера – вот тебе порука,  
Что получишь ты богатый выкуп!  
Ты поверил, дал ты мне свободу,  
Отпустил меня в родимый город,  
По дворам моим высоким, белым,  
Но как я на родину вернулся,  
Горькое одно увидел горе:  
Без меня прошла у нас зараза,  
Поморила и мужчин и женщин,  
Не осталось ни души в деревне,  
Все дворы попадали и сгнили,  
Даже стены поросли травой,  
А что было – серебро и левы –  
Все с собою захватили турки.  
Как увидел я дворы пустые,  
Где не стало ни души единой,  
Думал, думал и одно придумал:  
У гонца отбил коня лихого  
И пустился к городу Едрену,  
В самому великому султану.  
Доложил визирь царю-султану,  
Что каков я молодец удалый,  
И они в кафтан меня одели,  
Дали саблю и шатер богатый,  
И коня мне дали вороного,  
Дали мне коня и наказали,  
Чтоб служил по век царю-султану.  
Ты пришел за выкупом Страхиныч?  
Нет со мной, Страхиныч, ни динара!  
На беду одну ты притащился;  
Попадешься на Косове туркам,  
Ни за что ведь голову погубишь!»  
Смотрит бан, оглядывает турка,  
Узнаёт он дервиша седого,  
Слез с коня и к дервишу подходит  
И его рукою обнимает:  
«Богом брат мой, старина ты дервиш,  
Мы про долг с тобою позабудем!  
Кланяюсь тебе я этим долгом!  
Не за долгом я сюда приехал,  
А ищу я сильного Алию,  
Что дворы все у меня разграбил,  
Что увёз мою подругу – люблю.

Ты скажи мне лучше, старый дервиш,  
Как найти мне моего злодея;  
Но молю тебя опять, как брата:  
Ты, смотря, меня не выдай туркам,  
Чтобы в плен меня не захватили.»  
Старый дервиш бану отвечает:  
«Сокол ты из соколов, Страхиныч!  
Вот тебе, Страхиныч, Бог порука,  
Хоть сейчас возьми свою ты саблю  
И юл-войска у султана вырежь –  
Не скажу я никому ни слова!  
Не забуду век твоей хлеб-соли:  
Как сидел я у тебя в темнице,  
Ты поил, кормил меня, Страхиныч,  
Выводил на свет обогреться,  
И пустил меня на честном слове.  
Я тебя не предал и не выдал,  
И тебе изменником я не был,  
И во-век изменником не буду,  
Так чего ж тебе меня бояться!  
А что спрашиваешь ты, Страхиныч,  
Про турчина сильного Алию:  
Он раскинул свой шатер широкой  
На горе на Гблече-планине;  
Но послушай моего совету:  
На коня садися ты скорее  
И скачи отсюда без-оглядки,  
А не то без пользы ты погибнешь.  
Не поможет молодая сила,  
Ни рука, ни сабля боевая,  
Ни копье, отравленное ядом:  
Ты до Влаха сильного доедешь,  
Да назад-то Влах тебя не пустит,  
И а конем тебя захватит вместе  
И со всем твоим вооруженьем;  
Руки он тебе переломает,  
Выколет глаза тебе живому.»  
Но смеется дервишу Страхиныч:  
«Полно, дервиш, плакать спозаранку!  
Об одном молю тебя как брата –  
Только туркам ты меня не выдай!»  
Сирый дервиш бану отвечает:  
«Слышишь ли ты, делибаш Страхиныч,  
Вот тебе всевышний Бог порука,  
Хоть сейчас ты на коня садися,  
Выхвати свою лихую саблю  
И пол-войска изруби у турок,  
Не скажу я никому ни слова!»  
Бан садится на коня и едет,

Обернулся и с коня он кличет:  
«Эй, брат дервиш, сослужи мне службу:  
Ты поишь и вечером и утром  
Своего коня в реке Ситнице,  
Покажи, где бродят через реку,  
Чтобы мне с конем не утопиться!»  
Старый дервиш дав ответил бану:  
«Страхинь-бан ты, ясный сокол сербский,  
Для Тебя и для коня такого  
Всюду броды, всюду переходы!»  
Бан махнул и перебрел Ситницу,  
И помчался по Босову полю  
К той горе, где был шатер широкий  
Сильного турчина Влах-Ажи.  
Бан далёко, солнышко высоко,  
Осветило все Косово поле  
И полки несметные султана.  
Вот тебе и сильный Влах-Алия!  
Пробспал ночь он с бановича любой,  
Под шатром, на Гóлече-планине;  
Уж такой обычай у турчина –  
Поутру дремать, как встанет солнце:  
Лег-себе, закрыл глаза и дремлет.  
И мила ему Страхины любя:  
Головой в колени в ней склонился,  
А она его руками держит,  
И глядит на поле на Косово,  
Сквозь шатер растворенный широко,  
И рассматривает силы рати,  
И какие там шатры у турок  
И какие витязи и вонь.  
На беду вдруг опустила очи,  
Видит – скачет мóлодец удалый,  
По Косовскому несется полю.  
И рукой она толкнула турка,  
По щеке его рукою треплет:  
«Государь мой, сильный Влах-Алия!  
Пробудись и подымись скорее:  
Неподвига, чтоб те ног не двигать!  
Подпоясывай свой литый пояс,  
Уберись своим оружием светлым:  
Видишь, едет к нам сюда Страхиныч,  
Страхинь-бан из маленького банства:  
Голову тебе отрубят саблей,  
А меня он увезет с собою,  
Выколет живой мне оба ока!»  
Вспыхнул турок, что огонь, что пламень,  
Вспыхнул турок, сонным оком глянул  
И в глаза захохотал ей громко:

«Ах, душа, Страхиныча ты любя!  
Эк тебе он страшен, твой Страхиныч!  
Днем и ночью только им и бредишь!  
Знать, душа, как и в Едрен уедем,  
Он пугать тебя не перестанет!  
Это, видишь, любя, не Страхиныя,  
Это, любя, делибаш султанский:  
Чай, ко мне самим султаном послан,  
Либо царским визирем Мехмедом,  
Чтобы турок я у них не трогал:  
Всполошились визири царёвы,  
Испугались видно ятагана!  
Ты не бойся, коли я отсюда  
Покажу дорогу делибашу –  
Саблею его перепояшу,  
Чтоб еще ко мне не посылали!»  
Но ему подруга-люба молвит:  
«Государь могучий Влах-Алия!  
Погляди ты, аль ослеп – не видишь,  
Это вовсе не гонец султанский,  
Это муж мой, Страхинь-бан уда́лый,  
Я в лицо его отсюда вижу,  
По глазам его узнала с разу,  
Да и ус, как погляжу, такой же;  
Вон и конь его, и пёс косматый,  
Караман его лихой и верный;  
Не блажи, а подымайся лучше.»  
Как услышал турок эти речи,  
Он трухнул, вскочил на легки ноги,  
Подпоясал златолитый пояс,  
За пояс заткнул кинжал булатный,  
У бедра повесил саблю востру,  
На коня на вороного глянул,  
На коня он глянул – бан нагрязнул.  
Не кивнул он турке головою,  
Не назвал селяма по-турецки,  
А сказал ему собаке прямо:  
«Вот ты где, проклятый басурманин,  
Вот ты где, лихой царёв ослушник!  
Ты скажи мне, чьи дворы разграбил?  
Чьих прогнал ты верных домочадцев?  
Чью, скажи, теперь ты любишь?  
Выходи со мной на поединок.»  
Изготовился турчин на битву,  
Прыгнул раз и до коня допрыгнул,  
Прыг еще и на коня он вспрыгнул,  
Подобрал ременные поводья;  
Бан не ждет, помчался на турчина  
И пустил в него копьем булатным.

Тут бойцы уда́лые слетелись,  
Но руками размахнул Алиа  
И поймал он бановича пику,  
И кричит он громко Страхинь-бану:  
«У, ты гяур, Страхинь-бан проклятый!  
Вот ты что придумал и затеял:  
Да не с бабой это шумадийской<sup>7</sup>,  
Что наскочишь – криком озадачишь,  
А могучий это Влах-Алиа,  
Что не любит и султана слушать,  
Помыкает он и визирями,  
Словно мухами да комарами:  
Вот ты с кем затеял поединок.»  
Так сказал и сам пускает пику,  
Просадить хотел Страхинью сразу,  
Но Господь помог тут Страхинь-бану,  
Да и конь был у него смышленный:  
Он припал, как загудела пика,  
И она над баном просвистела  
И ударилась в холодный камень,  
На три иверня разбившись разом,  
У руки и где насажен яблоч.  
Как не стало копьев, ухватили  
Палицы они и шестоперы.  
Размахнулся турок Влах-Алиа  
И ударил Страхннь-бана в темя;  
Страхинь-бан погнулся, покачнулся,  
Верному коню упал на шею,  
Но Господь опять помог Страхинье,  
Да и конь был у него смышленный,  
Конь такой, какого не видали  
С той поры ни сербы и ни турки:  
Он взмахнул. и передом, и задом,  
И в седле Страпнньича поправил.  
Тут уж бан ударил Влах-Алию,  
Из седла не мог турчина выбить,  
Но коня всадил он по колени  
В землю всеми четырьмя ногами.  
Шестоперы также изломали  
И повыбили из них все перья;  
Тут за сабли острые схватились,  
И давай опять рубиться-биться.  
А была у Страхинь-бана сабля:  
Трое саблю острую ковали,  
А другие трое помогали  
С воскресенья вплоть до воскресенья;  
Выковали саблю из булата,

---

<sup>7</sup> То-есть – с сербиянкой из Шумадии, средней, лесистой Сербии, получавшей свое название от *шума* – леса.

Рукоять из серебра и злата,  
На великом брусе, на точиле,  
Страхинь-бану саблю наточили.  
Замахнулся турок, но Страхинья  
Подскочил, на саблю саблю принял,  
На полы рассек у турка саблю,  
И взыграл, возрадовался духом,  
Кинулся смелей на Влах-Алию,  
Налетал оттуда и отсюда,  
Чтобы с плеч башку снести у турка,  
Или руки у него поранить.  
Лих боец с лихим бойцом сошолся:  
Наступает сильный бан на турка,  
Только турок бану не дается,  
Половинкой сабли турок бьётся,  
Он обертывает саблей шею,  
Заслоняет грудь и руки ею,  
И Страхиньи саблю отбивает,  
Только иверни летят да брызги;  
Друг у друга сабли изрубили,  
Изрубили вплоть до рукояти,  
Всторону отбросили обломки,  
Соскочили с коней и схватились  
Друг за друга сильными руками  
О, как два великие дракона,  
По горе по Гблечу носились,  
Целый день носились до полудня,  
Ажно пена-пот прошиб турчина,  
Белая как снег бегала пена,  
А у бана белая да с кровью;  
Окровавил он свою рубашку –  
Окровавил золотые латы;  
Тяжко-тяжко стало Страхинь-бану,  
Он взглянул на любу и воскликнул:  
«Бог убей тебя, змея не любя!  
И какого там рожна ты смотришь!  
Подняла бы ты обломок сабли  
И ударила б меня, иль турка,  
И ударила б кого не жалко!»  
Но турчин Алия к ней взмолился:  
«Ах душа, Страхиныина ты любя!  
Не моги, смотри, меня ударить,  
Не моги меня – ударь Страхинью!  
Уж не быть тебе его женою,  
И тебя он больше не полюбит,  
А корит и днем и ночью станет,  
Что спала ты под шатром со мною,  
Мне же будешь ты мила во-веки,  
Мы уедем в Едренет с тобою,

Дам тебе я пятьдесят невольниц,  
Чтоб тебя за рукава держали  
И кормили сахаром да мёдом;



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.